

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Вл. Михневича.

Томъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининскій каналъ, 168.

1882.

А
НАРОДНАЯ КОПИЛКА ХРИСТА РАДИ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ БОРОДЫ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО „ПРОКЛЯТАГО“ ВОПРОСА.

ОБЪЕДИНИТЕЛИ.

Пляски на Руси въ жороводѣ, на балу и въ балетѣ.

ИЗВРАЩЕНИЕ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА.

ЛОДКА

Вл. Михневича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

А

НАРОДНАЯ КОПИЛКА ХРИСТАРАДИ.

« ..... а старцы бы жили въ монастыряхъ по чину монастырскому... яко же уставша святѣи отцы, да не побѣдитъ страсть сребролюбѣи и сластолюбѣи стяжаніе никого же...»

Стоглавъ, 169.

«Святая вѣра обуреваемая и слабѣетъ, заповѣди благочестія не исполняются, вѣрность церковнымъ уставамъ и порядкамъ нарушается, благіе обычаи оставляются, преданія отеческія ни во что вмѣняются»....

«Пастыри и учителя вѣры! къ вамъ первѣе слово наше. Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно»....

Поученіе св. Синода (1881 г).

I.

Ясное утро лѣтнаго праздничнаго дня. Тихій прозрачный воздухъ дрожить серебристымъ гуломъ монастырскихъ колоколовъ, вызывающихъ для праздника «во вся». Изъ-подъ темныхъ, вычурно росписанныхъ византійскимъ письмомъ сводовъ стариннаго собора, сквозь настежь раскрытыя желѣзныя двери, волною несется на плитную паперть стройное, многоголосое «Достойно есть», окуренное благовоннымъ ладономъ и прѣлымъ запахомъ многотолпой толпы.

Обѣдня отходить. Богомольцы, истово знаменуясь широкимъ крестомъ и отвѣщая глубокіе поклоны на алтарь, выходятъ кучками изъ церкви...

Что за пестрая, разнохарактерная вереница проходитъ передъ вами всевозможныхъ «званій» и «состояній», лицъ и костюмовъ, что за смѣсь душевныхъ и тѣлесныхъ немощей, принесенныхъ сюда на своихъ плечахъ этимъ людомъ со всѣхъ концовъ Россіи съ вѣрой въ чудотворное исцѣленіе!

Нигдѣ, кажется, не видѣлъ и не увидишь заразъ въ одномъ мѣстѣ столько безысходной бѣды и скорби, столько ужасныхъ болѣзней и калѣчествъ, столько рвани и лохмотьевъ. И это рядомъ съ сытымъ, по праздничному разфранченнымъ ханжествомъ и тунеядствомъ, имѣющими здѣсь тоже полный ассортиментъ своихъ разнообразныхъ представителей.

Русскому лапотнику есть о чемъ помолиться, и тотъ, кто хотѣлъ бы иллюстрировать живыми картинками свое газетное представленіе объ идилліи деревенскаго житья-бытья въ разныхъ отечественныхъ палестинахъ, процвѣтающихъ подъ двойнымъ куль-

тивированіемъ земства и администраціи,—тотъ пусть побываетъ лѣтомъ въ наиболѣе чтимыхъ народамъ монастыряхъ въ сезонъ стеченія богомольцевъ.

Все обездоленное, обиженное людьми, судьбой и природой, все раздавленное неумолимой кривдою до полной беспомощности и отчаянья—все это стекается сюда какъ къ послѣднему прибѣжищу, съ теплой вѣрой и надеждой на милость Бога и его чудотворцевъ. Другой надежды, другой опоры у этихъ горемыкъ и неудачниковъ уже не осталось.

«Никто какъ Богъ!»—въ этихъ трехъ словахъ вся ихъ философія, поддерживающая силы и терпѣніе длить страданія опустылой жизни.

Вотъ цѣлая «артель» поникшихъ косматыхъ головъ, съ отпечаткомъ на изможденныхъ лицахъ тихой покорности всепобѣждающему «горю-злосчастью»... Согбенныя въ три погибели спины, съ нацѣпленными на нихъ тощими котомками, рваные зипуны, протоптанные лапти...

— Кто такіе будете, землячки?

— Мы-то? Мы, родимый, владимірскіе... погорѣльцы... Всей деревню, какъ есть, до-тла погорѣли: остались сирь и нищи... Къ святому Сергію, путемъ на заработки, зашли помолиться...

Съ необыкновенною заботливостью поддерживая жбанъ съ освященною водою, проталкивается сквозь толпу бѣлый какъ лунь дѣдъ, сопровождаемый кучкой односельчанъ, несущихъ въ рукахъ — кто просфоры, завернутыя въ платочекъ, кто икону... Эти избилзка пришли просить св. Сергія, вымолвилъ бы у Бога дождика на ихъ захирѣвшія отъ засухи нивы.

И еще, и еще, «артелями» и въ одиночку, снуютъ богомольцы—сельскіе люди, возложившіе все упованіе на покровительство св. Сергія: эти вотъ въ опасеніи безхлѣбцы на зиму, тѣ—уже обезхлѣбные градомъ, въ доскъ выбившимъ несжатая нивы, третьи противъ мороваго повѣтрія.. Не перечестъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ злключеній, приведшихъ сюда эту сермяжную толпу...

А вотъ длинный рядъ жертвъ иной бѣды, нпаго «злосчастья». Выходить изъ церкви тощя и блѣдная какъ смерть, но еще не старая баба, съ измученнымъ, когда-то красивымъ лицомъ... Но что это за безобразное существо судорожно вздрагиваетъ на ея рукахъ и издаетъ хриплый, нечеловѣческій визгъ? Морозъ деретъ